

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. Т. Пашуто

В современной буржуазной историографии русского феодализма наблюдается примечательное явление: постепенно усиливается интерес к социально-экономической, аграрной тематике. Все чаще буржуазные историки обращаются к трудам советских ученых и, что не менее важно, к первоисточникам. Этот сдвиг заслуживает внимания. В целом буржуазная литература по аграрному вопросу не очень велика, и это понятно, так как аграрный вопрос в широком смысле слова не является стержневым для буржуазных авторов. Чтобы увидеть это, достаточно обратиться к новейшим обзорам зарубежной (иностранной и эмигрантской) литературы по истории России: Э. Амбургера¹, Г. Хальма², К. Мейера³ (последний составлен в 1962 г. и охватывает материал до 1959 г. включительно).

Изучение аграрного вопроса в России — отсталый участок буржуазной науки, яркое свидетельство ее кризиса. И скрыть это, разумеется, нельзя даже при помощи тех приемов, к которым прибегают наши оппоненты на Западе, вроде западногерманского историка Х. Яблоновского, который в обзоре советской историографии трижды иронически подчеркивает ее пристрастный интерес к социально-экономической тематике⁴. Разумнее поступил Г. Кох, откровенно признав отставание буржуазной науки от советской в разработке этой важной проблемы⁵.

Запутанный вопрос буржуазной социологии

Тенденциозность буржуазной историографии, ее предвзятое отношение к аграрному вопросу в России периода феодализма определяются ее порочной методологией. В послевоенное время интерес буржуазной социологии к феодализму возрос, и для этого есть свои причины: отрицая феодализм как формацию, как звено в прогрессе человеческой истории, реакционные буржуазные социологи и историки содействуют борьбе против идеологии коммунизма. Советские социологи и историографы (Е. Б. Черняк⁶ и др.) разносторонне вскрыли тенденции буржуазной социологии, ее приемы и методы, приводящие к искажению истории. Советские медиевисты, специалисты по русской и всеобщей истории (А. И. Данилов, Л. В. Черепнин, Л. В. Данилова и др.), подвергли критике методологические основы и историографические истоки современной буржуазной концепции истории России в ее немецком, американском и французском вариантах.

¹ См. «Historische Zeitschrift» (HZ). Bd. 183, S. 132—178.

² H. Halm. Sechzig Jahre russischer Geschichtsschreibung außerhalb Rußlands. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» (JBGOE). Bd. 5. 1957, S. 9—42.

³ HZ. Sonderheft 1, 1962, S. 274—342.

⁴ Ibid., S. 229, 235, 238.

⁵ H. Koch. Sowjetkunde als Aufgabe. JBGOE. Bd. 5. 1957, S. 53.

⁶ Е. Б. Черняк. Историография против истории. М. 1962.

В сущности, до недавнего времени буржуазная концепция нашей истории была, если ее можно так назвать, концепцией «европеизации» России. Наша история оценивалась по идеализированным эталонам истории Запада. В этой связи внимание нашей критики уже привлек американский социологический сборник «Феодализм в истории», редактор которого Р. Коулборн определил феодализм прежде всего как «метод управления», как «способ возрождения» общества, где государство оказалось в состоянии «крайней интеграции»⁷. Его взгляды применительно к истории России развивал М. Шефтель⁸. Не повторяя уже известной критики (ее можно найти на страницах журнала «История СССР» и сборника «Средние века»), мы хотим обратить внимание на существенную черту новейших социологических исследований о русском феодализме: Р. Коулборн обобщает не показания источников, а выводы из сочинений глашатаев «холодной войны»⁹; в свою очередь, последние используют в качестве основных пособий книги эпигонов дворянско-буржуазной историографии Н. А. Бердяева, П. Б. Струве, П. Н. Милюкова. Эти авторы подчиняли историю России идее, четко сформулированной в посмертно изданном труде П. Б. Струве, где он писал, что «большевистский переворот и большевистское владычество есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и экономической европеизации России»¹⁰. Отсюда он выводил и коренное отличие русских порядков от западных, включая и отсутствие феодализма в России.

Если мы от П. Б. Струве обратимся к Р. Коулборну, то узнаем, что Россия «враждебна» Европе и прежде всего «источнику» европеизма — Англии и Франции и его «носителю» — Германии¹¹. «Вражда» коренится в византийской традиции, а также в том, что Европа якобы прошла через ленный строй, а Россия — нет. По мнению Р. Коулборна, ученые ошибались, считая европейский ленный строй разновидностью деспотизма вооруженных собственников земли, а русское дворянство — порождением ленного строя. Нет, на Западе живут средневековые традиции свободы, а в России — деспотизма. Р. Коулборна интересует не история России, а пресловутые корни большевизма, то есть факторы, из которых возникла «сегодняшняя Россия»¹². Эти корни он ищет в специфике русского крепостничества, а также в реформах Петра I, который «европеизацией» России якобы нарушил гармонию сословий; по мнению автора, законодательная деятельность Петра «носит ясные черты советской политики»¹³.

Любопытно, что социологические выводы Р. Коулборна встретили критику со стороны западногерманских остфоршеров. Видный социолог О. Бруннер написал содержательный историографический очерк, посвященный понятию «феодализм». Он не согласен с чересчур абстрактным определением Р. Коулборна и считает наиболее правильной формулу феодализма, данную Г. Миттейсе, который видел в ленной системе «вклад германского духа в общую историю феодализма» и, понятно, в «специфически европейскую идею свободы»¹⁴. Как видим, спор идет

⁷ «Feudalism in History». Ed. by R. Coulborn. New York. 1956, p. 4, 364.

⁸ M. Szeftel. Facts of Russian History and its Philosophy. «American Slavic and East European Review» (ASEER). Vol. 15, № 1, 1956, p. 80.

⁹ См. И. С. Кон. Указ. соч., стр. 308.

¹⁰ П. Б. Струве. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего. Париж. 1952, стр. 19.

¹¹ Rushton Coulborn. Der europäisch-russische Gegensatz. «Die politische Meinung». Heft 9. Februar. Köln. 1954, S. 13, 14, 16.

¹² Ibid., S. 21, 24.

¹³ Ibid., S. 23—24.

¹⁴ O. Brunner. Feudalismus. Ein Beitrag zur Begriffsgeschichte. «Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen

не о феодализме, а о защите «специфически германского духа» в истории «интегральной» Европы.

Отвергая мысль Р. Коулборна как открывающую путь к внешним аналогиям, Бруннер предлагает сравнительно-историческое изучение отдельных элементов, феодальных или нефеодальных, имея в виду «всю внутреннюю структуру западноевропейского средневековья»¹⁵. Сам О. Бруннер дал пример подобного изучения, написав статью о древнерусском городе, который оказался у него настолько чуждым европейскому, что другому, более дальновидному остфоршеру, Г. Людату, пришлось поправлять слишком уж зарвавшегося коллегу¹⁶.

Еще один пример: новейшее исследование В. Шульца о русском иммунитете XIV—XV веков¹⁷. Полемизируя с Л. В. Черепнинным, автор обнаружил готовность, видимо, в порядке преодоления «догматизма»¹⁸ Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова вообще устранить понятие «феодализм», а если это невозможно — найти определение, приемлемое для всех¹⁹. Пока что он (вслед за О. Бруннером) считает целесообразным изучать отдельные элементы феодализма²⁰.

Трудно противостоять марксизму в открытом социологическом споре, и потому некоторые авторы взялись за опровержение отдельных элементов, входящих в понятие «феодализм». Такую перестройку полемики следует, пожалуй, поддержать в надежде, что обращение наших оппонентов к первоисточникам поможет им быстрее освободиться от предвзятых взглядов на историю России. В. Шульц, к сожалению, к этому еще не пришел. Он оторвал исследование иммунитета на «колониальной почве северо-востока» от его истории в Киевской Руси²¹, то есть сделал шаг назад²². История внутриклассовой борьбы на Руси пронизана стремлением каждого феодала увеличить земельную собственность, ибо от этого зависело число его крестьян и вассальных слуг; В. Шульц же полагает, что взаимозависимость и связь древнерусских и московских князей с боярством и дворянством была не поземельной, а личной²³. Он верит не столько источникам, сколько П. Н. Милюкову²⁴, который увидел на северо-востоке Руси формирование автократии, когда общество строилось не по иерархическому и не по сословному принципу, а по служебным обязанностям государству. Монополия феодалов на землю и подавление ими классового протеста крестьян, понятно, оставлены В. Шульцем без внимания. Бруннеровского «феодализма» В. Шульц на Руси тоже не нашел, ибо боярский и служилый вассалитет, согласно его взглядам, по форме далек от пресловутого «западного образца»²⁵.

Возвращаясь к О. Бруннеру, отметим, что его работа хорошо отражает эклектическую пестроту в трактовке феодализма, когда это понятие то сужается до общественной структуры позднеантичного периода,

Klasse». Jahrg. 1958, № 10. Wiesbaden. 1959, S. 591—627. Оценку его взглядов см.: M. Hrocla D. Třeštík. Feudalismus v. pojetí O Brunnera. «Československý časopis historický». Praha. 1960, № 5, S. 710—717.

¹⁵ O. Brunner. Op. cit., S. 626.

¹⁶ См. В. Т. Пашуто. О мнимой соборности. Сборник «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М. 1962, стр. 211—212.

¹⁷ W. Schulz. Die Immunität im nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts. Untersuchungen zu Grundbesitz und Herrschaftsverhältnissen. «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte». Bd. 8. Berlin. 1962, S. 26—281.

¹⁸ Ibid., S. 84.

¹⁹ Ibid., S. 85.

²⁰ Ibid., S. 86.

²¹ Ibid., S. 27.

²² См. Б. Тихомиров. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси. «Историк-марксист». 1936, № 3, стр. 3—35.

²³ W. Schulz. Op. cit., S. 265.

²⁴ Ibid., S. 268.

²⁵ Ibid., S. 266—267.

то распространяется на все формы земельной собственности и принуждения. Видимо, эта неопределенность порождает скепсис и нежелание заниматься «скользкой» темой. Любопытен ответ О. Бруннера такого рода скептикам: «Представители наук, которые подобных трудностей не знают или знают лишь в ограниченной мере, могут сказать: не целесообразнее ли отбросить в сторону весь этот балласт и непредубежденно подойти к самому объекту. Но тогда мы получим не историю, а в лучшем случае собрание антикварных заметок. История без отношения к современности, меняющейся современности, невозможна. Отсюда возникают проблемы, они уплотняются и оседают в виде лозунгов»²⁶. Словом, идеологическое наступление марксизма не оставляет выбора: нужны идеи.

Американские историки и социологи продолжают искать свой ключ в трактовке русской истории, ибо понятно, что критерий «европеизации» России посредством Германии как организатора «интегрального» Запада и проводника его идей не может их удовлетворить в полной мере. В послевоенные годы американские историки успели обсудить два подхода к концепции истории России. Один, продемонстрированный журналом «*American Slavic and East European Review*», вызвал дискуссию 1947—1952 годов. В основу нашей истории был положен «русский империализм»: со ссылкой на географическую карту Г. Ланцев, Ф. Мосли, О. Халецкий живописали его с древнейших времен и до настоящего времени. Эта версия отразилась на историографии, но единодушия не породила, встретив возражения более объективных историков: О. П. Бакуса, Н. В. Рязановского и др. Ученые социалистических стран подвергли эту концепцию резкой критике. Сейчас она уже настолько скомпрометирована, что разделяется только историками-неофашистами в ФРГ и поборниками «холодной войны» в других странах. Самый журнал был преобразован в «*Slavic Review*» и должен был взять «новый курс», что и нашло отражение в другом подходе к нашей истории — в дискуссии о «природе русского имперского общества». В ней участвовали известные люди: профессор Принстонского университета К. Блэк, один из издателей книжки «Переписывание русской истории»; проф. Н. В. Рязановский из университета в Беркли и английский советолог Х. Ситон-Уотсон. На этот раз в центре внимания оказались проблемы русской истории XIX—XX вв., то есть время, относительно которого в «имперском» характере России сомнений не было²⁷.

Что же нового за десять лет, отделяющих эту дискуссию от предыдущей, внесли авторы в решение вопроса? К. Блэк выдвинул мысль о том, что главным критерием русской истории надо признать «модернизацию». По сути, это американская разновидность европеизации. Вот выводы Блэка: автократия России возникла на основе византийской политической мысли, модифицированной заимствованиями из Орды и Турции. Русское крепостничество, наиболее полно выраженное в 1649—1861 гг., следует отличать от западноевропейского феодализма, который же представлял собой «политическую систему, характеризующуюся договорными отношениями между сеньором и вассалом, тогда как крепостничество — это прежде всего экономические отношения, основанные не на договоре, а на законе монарха. Элементы сеньориально-вассальных отношений существовали и в ранней русской истории, но исчезли с ростом крепостничества». Все это говорится со ссылкой на труды М. Шефтеля и на сборник Р. Коулборна. Правительство пошло на введение крепостничества в земледельческой стране в поисках дохода, ибо труд дорог: крестьянин, придавленный в XV—XVI вв. нуждой, стремится бежать, вследствие чего к 1649 г. оказывается постепенно закреп-

²⁶ О. Brunner. Op. cit., S. 627.

²⁷ Cp. M. Karovich. Imperial Russia, 1801—1917. New York. 1957.

пощенным. Здесь ссылка дается на работу Д. Блюма, о которой речь впереди.

К. Блэк признает, что история России наполнена крестьянскими восстаниями, но связи между ними и аграрным законодательством он не замечает, как не видит и нарастающего аграрного кризиса, подчеркивая, что восстания были неудачны, а реформа 1861 г. была проведена по инициативе царя²⁸. В конце статьи следует главный вывод, ради которого и была затеяна дискуссия: царский автократизм подготовил к 1917 г. успех тех, кто после его краха мог использовать «автократические методы»²⁹.

Х. Ситон-Уотсон, соглашаясь с Блэком в том, что Россия была «слаборазвитым обществом» (underdeveloped society)³⁰, обратил внимание на сходство «русского империализма» с империализмом в других странах; он подчеркнул разобщенность русского «среднего класса» и составляющих его групп (деловых людей, служащих и интеллектуальной элиты), дополнив бердяевские идеи мыслью о специфически большой роли «поповичей» в русском революционном движении³¹. Общий вывод автора таков: на Западе модернизация совершалась спонтанно, а в России, Азии и Африке — по указке власти³². Н. В. Рязановский упрекнул участников дискуссии в переоценке роли автократического государства и скептически заметил, что едва ли модернизация — хорошая основа для анализа имперского общества в России³³.

Назвать эту дискуссию плодотворной — значило бы согрешить против истины.

Забятая тема обобщающих курсов

Если теперь от социологических трудов перейти к обобщающим курсам по истории России, то легко понять, что их авторы, превратив «европеизацию» в стержень русской истории, вынесли аграрный вопрос в число второстепенных, производных факторов ее политической эволюции.

Возьмем на выбор последние курсы: западногерманский — Г. Римши (1960)³⁴, американский — М. Рена (1958)³⁵ и англо-американский — Д. Кларксона (1962)³⁶. Первая их общая черта заключается в том, что это курсы «политической истории»³⁷. Вторая черта — примат политики перед экономикой и внешнего фактора перед внутренним. От того, что в одних из этих курсов о крестьянстве говорится в основном тексте, в других, как у Г. Римши, этот сюжет выносится в раздел... «культуры», суть не меняется. Хозяйственная основа Древней Руси может признаваться аграрной или торговой — это не так уж важно, ибо «московский» период отрывается от «киевского», и на «отсталом» северо-востоке под влиянием массовой колонизации «страна городов» превращается в «страну деревень». В этих условиях при сотрудничестве князей с

²⁸ C. Black. The Nature of Imperial Russian Society. «Slavic Review» (SR). Vol. XX. New York. 1961, pp. 565—582.

²⁹ Ibid., p. 582.

³⁰ Hugh Seton-Watson. Russia and Modernization. Ibid., p. 583.

³¹ Ibid., pp. 585—586.

³² Ibid., p. 587.

³³ N. V. Riasanovsky. The Russian Empire as an Underdeveloped Country. Ibid., pp. 589—593.

³⁴ Hans von Rimscha. Geschichte Russlands. Wiesbaden. 1960. Общую оценку его книги см.: М. Тульчинский. На службе неонацизма. «История СССР», 1962, № 6, стр. 170—180.

³⁵ Melvin C. Wren. The Course of Russian History. New York. 1958.

³⁶ J. D. Clarkson. A History of Russia from the Ninth Century. London. 1962.

³⁷ H. Rimscha. Op. cit., S. 13; cp. W. Kirchner. Geschichte Russlands. Stuttgart. 1950, S. 3.

Ордой складывается автократия³⁸. История сельского населения XII—XIII вв., как правило, выпадает вовсе, а крестьянство в «татарский период» трактуется как «лично свободное»³⁹. Затем, в связи с «искоренением» боярства, укреплением дворянства, крестьяне в возрастающей степени теряют свою свободу. «Чем более господа становились холопами царей, тем более склонялись они к превращению крестьян в холопов»⁴⁰. Возникает «уникальное» Русское государство с закрепощенными сословиями. Далее следуют «европеизация» и «раскол сословий». В немецких курсах обычно говорится, что «европеизация» разрушает древнерусское культурное единство и на его обломках создает «русскую культуру, интегрированную западноевропейской». Дворянская знать освобождается от государственной зависимости, а крестьяне становятся холопами. Возникает «разрыв между европеизированным высшим слоем» и «чуждым европеизации народом»⁴¹. В конце «эпохи крепостничества» к этому разрыву добавляется трещина внутри правящего слоя, между так называемыми «общественными силами» и государственно-чиновничьей бюрократией. К этому времени меняется социальная структура общества, образуются буржуазия и пролетариат, дело осложняется земельным голодом «сильно размножившегося» после реформы крестьянства, и через «нарастающую активность радикальной интеллигенции страна идет к открытой революции»⁴². Подчеркивается роль развития капитализма в отмене крепостничества⁴³; при этом классовая борьба крестьянства, как таковая, отрицается. О крестьянских движениях говорится лишь в связи с упоминанием имен Болотникова, Разина, Пугачева. Одни авторы указывают, что эти царистские выступления носили внеклассовый характер и не могут быть названы крестьянскими войнами, ибо в них участвовали не одни крестьяне⁴⁴, а сами войны не имели положительной программы. Г. Рамша даже сопоставляет Пугачева с Грозным: оба, оказывается, истребляли знать⁴⁵. Д. Кларксон смотрит глубже и видит в движении Болотникова одну из тех крестьянских революций, которые через четыре столетия сокрушили и автократию и аристократию⁴⁶.

Новой чертой в ряде трудов является отнесение России уже не к Азии, а к Европе. Этому предшествовали многолетние дискуссии. Особенно усердствовали остфоршеры, у которых лозунг «Россия — враг Европы» был постоянно в ходу. В США он сочетался со спекуляциями К. Витфогеля на идее так называемого азиатского способа производства, якобы присущего «гидравлическому» обществу России, к которому, мол, восходят «тоталитарные» традиции Советской власти⁴⁷.

Наша наука всегда разоблачала эти тезисы, доказывая, что в основе мировой истории лежат общие закономерности и что не Россия враждебна Европе, а остфоршунг враждебен науке. В последние годы произошел поворот во взглядах на Россию как на исконного антипода европейских государств. Его причину совсем недавно раскрыл последний апостол белой эмиграции в ФРГ Ф. Степун. Пересмотрев свои старые взгляды, он заявил: «Защита Европы от советского коммунизма возможна лишь при том условии, если в России видеть не азиатский

³⁸ H. Rimscha. Op. cit., S. 76, 162.

³⁹ Ibid., S. 133; cp. W. Kirchner. Op. cit., S. 52.

⁴⁰ H. Rimscha. Op. cit., S. 166; cp. W. Kirchner. Op. cit., S. 107; M. Wren. Op. cit., p. 110, 236.

⁴¹ H. Rimscha. Op. cit., S. 100; cp. M. Wren. Op. cit., pp. 278, 317.

⁴² H. Rimscha. Op. cit., S. 260; cp. W. Kirchner. Op. cit., S. 188.

⁴³ J. Clarkson. Op. cit., p. 320; cp. M. Wren. Op. cit., pp. 406, 503, 505.

⁴⁴ H. Rimscha. Op. cit., S. 212, 247—248.

⁴⁵ Ibid., S. 353.

⁴⁶ J. Clarkson. Op. cit., p. 157, 183; cp. M. Wren. Op. cit., p. 219, 240.

⁴⁷ K. A. Wittfogel. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven. 1963.

форпост в Европе, а европейский в Азии»⁴⁸. За сомнительную честь быть признанной остфоршерами «Европой» Россия должна отныне враждебно противостоять Азии.

В обобщающих курсах аграрный вопрос — малоизвестный и игнорируемый участок науки. Его исследование характеризуется низким историко-ведческим уровнем. Авторы мало интересуют неоднородность использованных источников, неравномерность их территориального и хронологического размещения⁴⁹. В сводных трудах поражает почти полное невнимание к вопросам археографии: кроме довольно случайных исследований и переводов некоторых источников юридического характера и летописей, огромный фонд наших материалов остается не изученным авторами. Им пока что недоступны и проблемы генезиса, развития и упадка феодального способа производства, они игнорируют классовую борьбу как двигатель прогресса.

Для буржуазной историографии типично отсутствие связной истории народного хозяйства России. Фактический материал ей приходится черпать из американского издания труда П. И. Лященко⁵⁰. Общий курс, изданный на эту тему Д. Мавором⁵¹, безнадежно устарел, как и курс В. Жийя⁵². Важно отметить, что буржуазная наука отрицает истинную внутреннюю взаимосвязь аграрного вопроса с зарождением капитализма и развитием буржуазии. Примером могут служить две американские работы, затрагивающие проблемы народного хозяйства России. Одна — книга проф. Н. Чировского «Экономические факторы роста России» (1957), другая — В. Чеботаревой-Билл «Забытый класс (Русская буржуазия с древнейших времен до 1900 г.)» (1959). Н. Чировский претенциозно назвал свое сочинение «Экономико-историческим исследованием», но на деле это — злонамеренное измышление о том, будто империализм коренится в этнической природе русского характера (влияние на него монгольского элемента), его церковной традиции, «националистическом мессианизме»⁵³. Этой теме посвящена первая часть работы — экономические основы образования национальной психологии. В духе худших образцов украинского буржуазного национализма автор начинает русскую историю с Северо-Восточной Руси, противопоставляя ее Руси южной, украинской⁵⁴. Он говорит об отсталости русского северо-востока и намечает три возможных пути ее преодоления: во-первых, «внутренняя рационализация технологии производства», во-вторых, «развитие широкой внешней торговли для дополнения недостаточного отечественного производства» и, наконец, завоевание и разорение соседних народов. Русские князья, согласно автору, выбрали этот третий путь: они разоряют Киев и Новгород; их «примитивизм» позволил им легко слиться с монгольской властью; «гармоническое сотрудничество» Москвы и Сарая усилило «абсолютистскую форму созданного государства и его империалистический рост». С XV до XIX в. «русский народ фактически не использовал никаких прогрессивных методов для увеличения продуктивности сельского хозяйства», а жил эксплуатацией окраин. «Политическая агрессия» и «экономическая эксплуатация» росли в ущерб промышленной рационализации и «технологическому развитию»,

⁴⁸ F. Stepan. Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München. 1959, S. 74; подробнее о нем см.: В. Т. Пашуто, В. И. Салов. Rußland und Europa. Auf den Spuren der Ostforschung. Leipzig. 1962, S. 25.

⁴⁹ См. об этом интересные соображения С. О. Шмидта. Сборник «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М. 1962, стр. 112.

⁵⁰ P. I. Ljaschenko. History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. New York. 1949.

⁵¹ J. Mavor. An Economic History of Russia. New York. 1925.

⁵² B. Gilie. Historie économique et sociale de la Russie. Paris. 1949.

⁵³ N. Chirovsky. The Economic Factors in the Growth of Russia. New York. 1957, p. XI.

⁵⁴ Ibid., p. 2.

поскольку «последние были малодоступны специфически славяно-монгольскому комплексу русского народа». Автор проповедует, по существу, расистские идеи.

Вторая часть этого «труда» — «экономические факторы, определяющие территориальную экспансию». Экспансия России в Европе, Азии, Америке — это народная «империалистическая» экспансия⁵⁵. отождествление царизма и народа — главный шулерский прием этого труда, изданного для того, чтобы оправдать проведение в США пресловутой «недели поработенных стран»⁵⁶.

Даже американские буржуазные рецензенты критиковали это «сочинение» как псевдонаучное, отмечая, что сам русский народ томился под гнетом царизма. А западногерманский автор К. Мейер, далекий от объективной оценки русской истории, писал, что Н. Чировский исследует хозяйственные условия политического развития царской России и СССР «часто» в таком «тесном переплетении, что другие исторические, также влиятельные, силы нередко остаются недооцененными»⁵⁷. Следовательно, даже остфоршеры не решились похвалить этот псевдоэкономический опус.

Книга В. Чеботаревой-Билл по видимости менее обскурантская. Она начинается с верной мысли, что история русской буржуазии забыта на Западе. Автор возражает тем, кто считает, что «русский народ никогда не имел таланта или склонности к коммерческой и промышленной деятельности», а жизнь России определялась отношениями только двух классов: «аристократии и крестьян». Но истинный замысел этой работы — опровергнуть положение, трактующее индустриализацию как достижение социализма. В буржуазии, доведшей Россию до грани хозяйственной катастрофы, автор готов видеть более рационального индустриализатора, нежели Советская власть. Цель книги — «помочь» пониманию СССР с точки зрения «свободного предпринимательства»⁵⁸.

Помимо этой определяющей ее политической идеи, книга проповедует бердяевскую мысль о том, что в России не сложился «средний класс» в западном смысле слова, ибо существовала пропасть между буржуазией и интеллигенцией. Схема русской истории здесь выглядит особенно неубедительно: основа развития класса буржуазии лежит в торговле, которая процветала в Древней Руси. Упадок торговли привел к экономическому развалу; Северо-Восточная Русь XIII в. оказалась на том уровне, который был присущ Европе IX—X вв., ибо ее жизнь характеризовалась «регрессом от торговли к земледелию, от городской жизни к сельской, от централизации к раздробленности, от контактов с иностранными государствами к изоляции». От этого всеобщего регресса уцелел лишь один «оазис» — Новгород, чья аристократия была «буржуазной», а сам он, подобно нынешним Нью-Йорку и Чикаго, не производил, а лишь посредничал в торговле между северными колониями и остальной Россией.

Экономическая эволюция связана, согласно рассуждениям В. Чеботаревой-Билл, с ростом московской азиатской автократии: «централизованный абсолютизм», опираясь на дворянство, в «симфонической» гармонии с церковью сам «создал и контролировал общество»⁶⁰, причем поскольку в России государство развилось раньше появления городов (так причудливо понял автор хорошо раскрытую А. М. Сахаровым

⁵⁵ Ibid., p. 4, 9—10, 13, 24, 26, 28, 34, 45.

⁵⁶ Ibid., p. 93.

⁵⁷ K. Meyer, Op. cit., S. 286.

⁵⁸ V. T. Bill. The Forgotten Class. The Russian Bourgeoisie from the Earliest Beginning to 1900. New York. 1959, p. X.

⁵⁹ Ibid., p. XI.

⁶⁰ Ibid., pp. 38, 56, 49, 50—51, 63, 76, 64, 66.

специфику русского города периода татаро-монгольского нашествия), то «посад стал узником Кремля». Эти порядки начал ломать Петр I, но «европеизация» при нем затронула лишь высший класс. «Буржуазный класс, способный заполнить пропасть между культурной аристократией и закрепощенными низшими классами, мог появиться лишь в том случае, если бы железные обручи государственного авторитета были сняты; если бы традиции Киева и Новгорода были возрождены; если бы индивидуум мог получить какую-то свободу и инициативу; если бы побуждения для интеллектуальной любознательности и свободной мысли были найдены». «Была ли в России социальная группа, способная создать эти предпосылки?» — спрашивает Чеботарева-Билл. И отвечает: да, была, это старообрядцы, «первые поборники индивидуальной свободы», чья «энергичная работа по подготовке условий для вспышки экономической энергии была продолжена крупной материальной силой — железными дорогами». Другим фактором, действующим в том же направлении, стало освобождение крестьянства. Но русская буржуазия мало думала о себе как о классе⁶¹, у нее не было идеологов. Интеллигенция осталась ей чужда. Вот почему в конце концов «интеллигенция столь же содействовала падению капитализма в России, сколь старообрядцы споспешествовали вначале его подъему»⁶².

Такова эта вторая вершина американской социально-экономической мудрости. Говоря и об этом труде, остфоршеры заметили, что автор недостаточно сопоставил русские процессы с западными; что «отдельные ограниченные исследования, несомненно, приведут к более точным выводам»; наконец, что в целом ценность этой работы следует видеть «в возбуждающей постановке вопроса»⁶³.

Достаточно сравнить эти «сочинения» с трудами советских аграрников и историков промышленности, чтобы увидеть, как сильно отстает в этой области буржуазная наука. Это признают и некоторые буржуазные авторы. В одном из обзоров, принадлежащем перу Х. Яблоновского, читаем, что «Очерки» Л. В. Даниловой имеют в основе «солидное научное исследование»⁶⁴, что труд Н. В. Устюгова — это «богатый выводом вклад в историю народного хозяйства» России, одна из тех «основательных историко-хозяйственных монографий... которые в немалом числе» появились за последние годы в СССР⁶⁵. В том же тоне говорится о трудах В. И. Шункова, Е. И. Заозерской, Н. И. Павленко, А. А. Преображенского, В. Н. Яковцевского и др.

Конечно, Х. Яблоновскому не нравится марксистско-ленинская методология, лежащая в основе работ советских ученых, к тому же угол зрения у него типично реваншистский. Например, в книге Н. И. Павленко, доказывающей немалое значение частного предпринимательства в России начала XVIII в., автор видит попытку умалить роль Петра I, а ведь Петр как проводник «европеизации» — краеугольная фигура немецкого варианта буржуазной концепции истории России⁶⁶.

Новые веяния

Следует отметить и новые веяния. В буржуазной литературе послевоенных лет неуклонно усиливается внимание к трудам советских ученых. Пропагандистский шум об «агонии» советской историографии не

⁶¹ Ibid., pp. 68, 77, 78, 86, 105, 110, 149, 165, 176.

⁶² Ibid., p. 201.

⁶³ K. Meyer. Op. cit., S. 287.

⁶⁴ H. Jablonowski. Op. cit., S. 232.

⁶⁵ Ibid., S. 238.

⁶⁶ Ср. справедливый вывод Р. Порталы о том, что книга А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова заставляет пересмотреть прежние представления о социальной структуре русской деревни XVII в. и проясняет предпосылки реформ Петра («Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1961, pp. 77—78).

смог заглушить стремления объективно разобраться в ее содержании. Вот несколько примеров. Известный американский историк-экономист Д. Блюм в рецензии на книгу Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси», иронизируя, писал: «Греков, понятно, как и все советские ученые, туго затянут в марксистский жилет» и потому-де вынужден видеть в феодализме способ производства. А далее автор, противореча себе, сообщает о плодотворности марксистского видения: «Тем не менее мы в долгу у Грекова и других советских историков, которые показали, что сеньориализм, важный элемент феодализма, появился уже в киевский период. В результате исследований советских ученых теперь нужно признать, что русское крепостничество возникло гораздо раньше, чем представлялось»⁶⁷. Ниже мы увидим, как Д. Блюм оплатил нам этот «долг» американской науки.

В Англии профессор Бирмингемского университета Р. Дэвис, сообщив о советских работах по истории сельского хозяйства, ремесла и городов Руси домонгольской поры, заявил, что «точка зрения на этот период, которая продолжает сохраняться в английских курсах всеобщей и русской истории, нуждается в пересмотре»⁶⁸. В настоящее время среди рецензентов, доброжелательно оценивающих работы советских историков, выделяется известный американский литванист О. Бакус⁶⁹.

Жизнь берет свое. Под влиянием марксистской науки появляется углубленный интерес к аграрному вопросу среди более объективных буржуазных ученых. Приобретает права гражданства (в ущерб долго господствовавшей доктрине Г. Вернадского) концепция преобладания сельского хозяйства в Древней Руси и обусловленности ее общественного строя аграрной структурой страны; намечается более правильное понимание соотношения общественно-политических и естественно-географических факторов в русской истории. Для примера можно сослаться на исследования наиболее крупных специалистов англосаксонской аграрной историографии: Р. Смита — «Происхождение сельского хозяйства в России» (1959), Д. Блюма — «Сеньор и крестьянин в России. С девятого до девятнадцатого века» (1961) и одного из виднейших остфоршеров, Г. Штёкля, — «История России» (1962).

Р. Смит, профессор Бирмингемского университета, — серьезный ученый⁷⁰; его труд опубликован в Париже с предисловием профессора Р. Порталья в издаваемой им сорбоннской серии экономических и социальных наук «*Études sur l'économie et la Sociologie des Pays Slaves*». Книга Смита посвящена истории России до XIII в., изучению условий жизни и труда; весьма ценны его наблюдения над климатическими зонами Руси. Автор не сомневается в том, что история России — часть общеевропейской, как не вызывает у него удивления и то, что немецкая концепция русской истории справедливо вызвала отпор советских ученых⁷¹. Он признает важное значение трудов советской аграрной школы⁷². Автор подметил и элементы вульгаризации, которые допускались в советской науке, в частности попытки выводить эволюцию общественного строя непосредственно из смены форм орудий труда.

Р. Смит не считает эволюцию общественного строя зависимой от развития производительных сил. Но в этой части его исследование не может претендовать на убедительность, потому что охватывает сравнительно узкий отрезок истории. Такая зависимость выступает тем яснее,

⁶⁷ «*Journal of Economic History*». Vol. XI, № 2. New York. 1951, pp. 155—156.

⁶⁸ R. W. Davies. *Russia in the Early Middle Ages*. «*Economic History Review*». 1952, Vol. 5, № 1, 2. Ser. Cambridge—London, pp. 116—127.

⁶⁹ См. его последние рецензии: SR. Vol. 20, № 3, p. 517—518.

⁷⁰ См. «Советская археология». Вып. 3. 1962. стр. 324—325.

⁷¹ R. Smith. *The Origins of Farming in Russia*. Paris. 1959, pp. 7—8, 11.

⁷² *Ibid.*, p. 13.

чем более длительный период берется для изучения⁷³; к тому же надо учитывать и специфику надстройки в период феодализма, на примере которой Ф. Энгельс иллюстрировал тот факт, что «единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный»⁷⁴. Р. Смит признает господство земледелия в России и связывает его примитивные формы с наличием племен, патриархальных и соседских общин; он делает и выводы о развитии имущественного и социального неравенства. Последние представляются более уязвимыми, ибо центр тяжести анализа он переносит с основного источника расслоения — общины — на знать, в руках которой, по его мнению, и появилась частная собственность на скот и металлы; от обладания ими зависели благосостояние и оборона; развивались также формы ссуд, включая ссуду орудиями труда⁷⁵. А вот его заключение о форме собственности в Древней Руси: «Появление частной собственности на землю, запоздалое и всегда смягчаемое избытком этой земли, привело к окончательному ее выражению: отношениям господства и подчинения; до монгольского нашествия частная собственность на Руси имела не ту форму, которая привычна нам теперь, а форму, характерную для перехода от племенных отношений к обществу, все более основывавшемуся на крепостнических отношениях»⁷⁶.

Р. Смита ввела в заблуждение нечеткость (и летописная и историографическая) трактовки понятия «племя»: он упустил из виду, что так называемые племена — например, вятичей, кривичей — вовсе не исчезают вместе с «Повестью временных лет»⁷⁷; о них упоминается в источниках XIII и даже (в немецких) XIV в., хотя в это время племя меняет свой характер, приобретая явно классовое, феодальное содержание; следовательно, не обязательно и для X — XI вв. видеть в племенах лишь этническую категорию. Автор ссылается и на малочисленность сведений о продаже земли; это зависит от характера сохранившихся письменных источников, но не меняет сути дела: закон стоимости появился и неуклонно действовал среди крестьян-общинников, которые, как признает автор, держали землю либо коллективно, либо индивидуально⁷⁸.

Наконец, автор считает, что обилие земли, ее дешевизна, а также примитивность орудий труда (кроме железных) тормозили процесс феодализации⁷⁹. В этом со Смитом согласиться трудно. Вспомним локальные голодные годы на Руси, голод в Новгороде или Суздале, когда не спасало и обилие свободных земель в еще не освоенных местах. Или возьмем колониальную сферу подвластного Руси севера. Если у границ далекой «дикой лопи» в XII в. были сосчитаны и обложены данью все погосты, то не значит ли это, что в коренной Руси уже давно действовал принцип: нет земли без сеньора. Р. Смит не знает, являлись ли сеньоры Древней Руси феодалами «в юридическом смысле», но «лежащая в основе действительность была сходной и в Западной и в Восточной Европе, и может быть принят термин «феодальный», взятый в его широком экономическом смысле»⁸⁰. Словом, это наука. Автор хорошо знаком с первоисточниками и широко использует нашу историографию. Он отвергает точку зрения П. Б. Струве о закреплении князем сословий, противопоставляя ей концепцию Грекова—Юшкова о процессе феодализации⁸¹; не разделяет он и теории миграции крестьянства на северо-во-

⁷³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1948, стр. 471.

⁷⁴ Там же, стр. 484.

⁷⁵ R. Smith. Op. cit., p. 183.

⁷⁶ Ibid., p. 184.

⁷⁷ Ibid., pp. 151, 154.

⁷⁸ Ibid., p. 186.

⁷⁹ Ibid., p. 188.

⁸⁰ Ibid., p. 186.

⁸¹ Ibid., p. 176, ср. p. 160 (о термине «мир»).

сток⁸². Касаясь событий новгородского восстания 1209 г., Р. Смит замечает, что подобный конфликт характерен «и для Киевской Руси вообще»⁸³, хотя и не дает анализа классовой борьбы.

Труд Смита не оставляет места для пресловутого германо-славянского синтеза. И, конечно, не случайно рецензент из ФРГ отвел книге Р. Смита лишь крохотный абзац: «аграрный строй» автор, оказывается, «описывает как вид «частной собственности» (в кавычках! — В. П.) и отмечает в нем формы, предшествующие феодализму, заметные уже в киевский период»⁸⁴. А ведь совсем недавно Х. Яблоновский считал «настоятельно желательной» «критическую» проверку «отнюдь не бесспорного» мнения советских ученых о земледельческом характере восточных славян⁸⁵. Смит проверил, но, как видим, остфоршеры не оценили его объективности.

Обратимся к книге американца Д. Блюма. В отличие от исследования Смита она четко вписана в рамки борьбы с идеологией коммунизма. Справедливо подчеркивая, что освобождение крестьян в Западной Европе сыграло большую роль в становлении и развитии там буржуазных свобод, Блум оставляет народам Восточной Европы только «традиции принуждения, рабоплебства и покорности праву меньшинства людей держать миллионы сограждан в ярме»⁸⁶. Вековая борьба против этого ярма — и в анализе и в выводах — скрыта. В этом же плане следует понимать и ту ретроспекцию, что 1917 год погубил надежды крестьян, пробужденные в 1861 году⁸⁷. Эти рассуждения взяты из арсенала «холодной войны». Такова одна черта работы. Другая — эклектизм в трактовке понятия «феодализм». Здесь автор беден знаниями, он не исследует и не оспаривает советских социологических работ, а слепо идет за вульгарными историографическими пособиями Мазура и Блэка⁸⁸. В споре о феодализме он видит не борьбу «идей», а «войну слов», полагая, что «обозначать Россию (только XIII—XV вв. — В. П.) феодальной или нет становится делом выбора и верности той или иной модели», и вспоминает слова Ф. Мейтленда, считавшего феодализм «несчастливым словом», а «превращение этой единственной идеи в выразителя огромного куска всемирной истории» — непосильным занятием. Сам Блум (как О. Бруннер и В. Шульц) считает, что более плодотворным было бы сравнительное изучение отдельных институтов различных обществ, нежели «определение соответствия или несоответствия между институтами данного общества и каким-то идеальным типом»⁸⁹. Так автор уходит от серьезной полемики с марксистами в понимании феодализма, а заодно и от обязанности анализировать способ производства как закономерное явление.

Наконец, Д. Блум исходит из теории факторов, которая под его пером фактически превращается в отступление от идеалистического монологизма политических интерпретаторов экономической истории. Он пишет: «Тысячелетняя история взаимоотношений русского сеньора и крестьянина... есть производное политической и экономической эволюции страны...», причем «политические соображения кажутся чаще преобладающими, но это никоим образом не уменьшает критического влияния экономического фактора». Вот и пойми! «Действительно, — продолжает

⁸² Ibid., p. 181.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ K. Meyer. Op. cit., S. 287.

⁸⁵ H. Jablonowski. Sowjetische Forschungen der Nachkriegszeit zur russischen Agrargeschichte bis 1917. «Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie». Jg. 6, Hf. 1. Frankfurt a. Main. 1958, S. 59.

⁸⁶ Jerome Blum. Lord and Peasant in Russia. From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton. 1961, p. 611.

⁸⁷ Ibid., p. 620.

⁸⁸ A. Mazour. Modern Russian Historiography. Princeton. 1958.

⁸⁹ Jerom Blum. Op. cit., p. 92.

Д. Блюм, — оба они иногда так тесно связаны, что распутать и определить их относительную роль — значит подвергнуться риску упрощения»⁹⁰, который, как полагает автор, свойствен марксистскому синтезу⁹¹.

Блюм попытался подогнать историю крестьян под традиционную схему «литургического» государства. Не будем поэтому излагать эту схему, скажем лишь, что в ней нет начала — генезиса имущественного и социального неравенства. Фактически автор, отметив, что автохтонная знать не владела «в широких размерах» земельной собственностью, связал ее появление с иноземной «новой правящей элитой», да и боярство у него — продукт слияния варяжской и славянской знати⁹². Это дань Блюма концепции Г. Людата о синтезе автохтонных и иноземных элементов. Признавая земледельческий характер Руси, Д. Блюм тут же допускает возможность производства «большой части продукции для рынка».

Согласно взглядам автора, в Древней Руси XI в. все свободные люди были равны, но, когда земли общин попадали в руки знати, крестьяне превращались «в держателей земель, им ранее принадлежавших», те же, кого сгоняли с земли, становились договорными работниками. Были и свободные крестьяне, «но экономическая зависимость от собственников земли ухудшала их юридическое и социальное положение в сравнении с крестьянами, жившими в независимых общинах»⁹³.

Автор не видит развития двух тенденций в общественно-политической структуре Руси XII—XIV веков. Мнимый упадок в XII в. он объясняет столь же мифическим упадком торговли, говорит о массовой миграции на северо-восток и «политическом хаосе», якобы продолжавшемся здесь до XV века. Ясно, что автор брал материал из вторых и не очень надежных рук. Он не внял работам советских авторов, которые видят рост тенденций к единству в дотатарской Руси, не учел аргументов Л. В. Черепнина, А. М. Сахарова и других относительно оживления экономики уже в XIV веке. Игнорируя ужасы татарского разорения, дани, набеги, голод, эпидемии, он считает этот «хаос» «первоначально» полезным крестьянину и вредным для сеньора. Население уменьшилось, и потому крестьян переманивали, давая им «фактически все права владения». В духе Ф. Леонтовича Д. Блюм пишет, что древнерусское боярство не было замкнутым сословием, хотя и добавляет глубокомысленно, что «проникнуть в его ряды было легче сыну боярскому или лицу его ранга, чем бедняку»; впрочем, о XVI в. автор пишет уже без оговорок: ограничений в праве собственности не было, и человек любого класса имел реальную возможность приобрести аллод. Можно только удивляться, почему крестьяне при Годунове пухли с голоду и бежали в степь, вместо того чтобы воспользоваться этим правом!

О политической экономии феодализма Блюм не осведомлен: размножились князья — появились из их среды служилые люди, размножились бояре — появились дети боярские⁹⁴. Все очень просто. Впрочем, «процветали» крестьяне недолго, так как князья, ища опоры, раздавали знати черные земли, а многие общины по этой же причине «охотно становились» держателями земли сильных сеньоров и монастырей. Здесь возникает иммунитет.

Противоречия книги режут глаз. Автор отрицает поземельную зависимость бояр от князей. Время политической раздробленности — пора

⁹⁰ Ibid., p. 601.

⁹¹ Ibid., p. 6.

⁹² Ibid., pp. 40, 601. На стр. 18—19 помещена карта Руси XII — начала XIII в., почему-то не включающая в пределы Русского государства Киев и Смоленск. Эклетику работы Д. Блюма справедливо отметил и Г. Ловмянский. См. его рецензию: «Przegląd Historyczny». T. LIV, zes. 3, str. 487—493.

⁹³ Jerom Blum. Op. cit., pp. 27, 45—49, 602, 603.

⁹⁴ Ibid., pp. 57—62, 70, 73, 72, 107, 603.

расцвета боярского самовластия и важный этап роста иммунитета. Но Блюм связывает иммунитет с развитием Московского княжества: не имея возможности все делать лично (словно киевские и галицкие князья имели такую возможность!), князья передавали сеньорам власть над крестьянами, которые становились их подданными⁹⁵. Автор вообще считает, что «прогрессирующее стеснение свободы крестьян и держателей (gentner) началось в пору татарского ига»⁹⁶.

Блюм, видимо, прав, когда пишет, что экономический подъем, рост денежного оборота и выгоды рынка вызвали усиление барщинного нажима на крестьян (а не второе издание крепостничества)⁹⁷. Кризис конца XVI — начала XVII в. и «смута» убедили сеньоров в необходимости лишить крестьян свободного передвижения. Государство полностью подержало их. С конца XV и особенно с конца XVI в. свобода крестьян была ликвидирована: их прикрепили к сеньорам. Но последние «должны были уплатить за полученную благосклонность цену». Эта цена — служба государству и вотчинников и помещиков с земли⁹⁸. Произошла революция в форме собственности: последняя стала монополией класса «служащих царя»⁹⁹. Так возникло уникальное служилое государство московских правителей. Как видим, книга не блещет социологической новизной.

При этом автор обходит молчанием классовую борьбу¹⁰⁰, видимо, уверенный, что крестьянин покорно снес свое превращение из свободного земледельца в холопа.

Сейчас становится все более ясным, что истории России присуща одна важная особенность: русские города, разоренные Ордой, попали под сильную власть феодалов, и русский крестьянин заплатил особенно тяжелой кабалой за то, что в процессе централизации государство опиралось в основном на дворян, города же, а затем и буржуазия оставались придавленными феодальным классом. Думается поэтому, что Д. Блюм прав, когда пишет, что «бессилие городского среднего класса имеет фундаментальное значение для объяснения эволюции отношений между сеньором и крестьянином в Восточной Европе»¹⁰¹. Но это, конечно, не значит, что «государство в XV — XVII вв. отстранилось от отношений между сеньором и крестьянином», чем и открыло путь к произволу, и крестьяне стали более зависимыми от сеньоров, нежели от короны. На деле власть активно помогала сеньорам (достаточно просматривать законодательство), да и само государство являлось крупнейшим сеньором.

Это, конечно, не значит, что «политические привилегии и экономическое значение русского буржуазного класса оставались неизменными»¹⁰². Работы советских специалистов в области истории сельского хозяйства, промышленности, сословий все яснее вскрывают специфику этих изменений. Русская буржуазия, приспосабливаясь к абсолютизму, умела очень ловко пожирать плоды крестьянской борьбы за свободу.

Это, наконец, не значит, что «различия между Востоком и Западом в природе отношений между сеньором и крестьянином оказываются решающим водоразделом в истории современного мира». «Современный мир» тут и вовсе ни при чем, ибо аграрные отношения в Советском

⁹⁵ Ibid., p. 86.

⁹⁶ Ibid., p. 275.

⁹⁷ Ibid., p. 225.

⁹⁸ Ibid., pp. 85, 134—135, 143, 146, 605.

⁹⁹ Ibid., p. 170.

¹⁰⁰ Впервые о борьбе крестьян он упоминает в связи с монастырской колонизацией (р. 76) и лишь вскользь говорит о ней, касаясь начала XVI в. (р. 149), а затем восстаний под предводительством Разина и Пугачева (р. 536—574).

¹⁰¹ Ibid., p. 610.

¹⁰² Ibid., p. 609.

Союзе перегнали «западные» на целую формацию: коллективная собственность пришла на смену частной. Уж если Д. Блюм искал традиций, то полезней было бы изучить историю «мира» — общины и ее влияния на психологию русского крестьянина. При обращении к источникам и подобная тема может быть освещена весьма интересно. Пример тому — книга М. Конфино. Основанная на анализе трудов Вольного экономического общества за 1765 — 1820 гг., она ярко рисует социальную психологию консервативной части дворянства, внутреннюю обреченность всего крепостнического строя¹⁰³. Между прочим, автор показывает беспредметность разговора о «русской душе» как внесоциальном понятии и т. п.

Примечательно выглядит в книге Д. Блюма реформа 1861 года. Автор полагает, что установленное к 1649 г. крепостничество вплоть до реформы было в своих основах «неизменно»¹⁰⁴, хотя за время от Петра I до Александра II экономика страны двигалась вперед, социальные отношения деградировали. Советские историки приводят яркие свидетельства кризиса феодального способа производства в целом: с его огромными массивами заброшенных или пустующих земель; с его неуклонным натиском феодальных собственников, феодального государства на крестьян и стремлением использовать феодальную ренту для оплаты наемного труда, а отнятую у крестьян землю — для получения арендных доходов; с его возросшими доходами от товарного сельскохозяйственного производства, остающимися в сфере потребительных трат. Это — свидетельство кризиса аграрной системы, приводящего к нарушению воспроизводства, к неоднократным и массовым голодовкам, к обострению классовой борьбы и в конечном счете к реформе¹⁰⁵. Д. Блюм подошел к делу как беспомощный эклектик: душой он за примат идеального, но труды марксистов неодолимы. Поэтому он перечисляет пять «материалистических» и идеалистических причин реформы, но солидно обоснованными признает лишь две, а именно, что русские либеральные интеллигенты, начиная с (произвольно отнесенного к ним) Радищева, закладывали основы ликвидации крепостничества и что освобождение «есть результат убежденности Александра II в необходимости реформы ради интересов государства»¹⁰⁶.

В книге Д. Блюма, помимо ее очевидного эклектизма, есть, однако, некоторые другие, новые для буржуазной науки черты. Ценен уже самый призыв автора искать объяснение смысла истории России не в «европеизации», в «модернизации» или «империализме», не в таинственных свойствах «русской души», а во взаимоотношениях крестьянина и сеньора; ценно признание того обстоятельства, что знание экономики России — необходимое условие понимания ее истории¹⁰⁷. Что бы ни говорил автор, книга его рисует Россию как исконно земледельческую страну¹⁰⁸, расколотую на два класса, и, следовательно, подрывает концепцию «русского империализма» как явления не сословного, а этнического.

Далее, совсем в духе отвергнутого автором марксизма он рассматривает русскую аграрную историю скорее «как часть европейской, неже-

¹⁰³ M. Confino. *Damaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle. Étude de structures agraires et de mentalités économiques*. Paris. 1963. Книга вышла с предисловием Р. Порталы в серии Collection historique de l'Institut d'études slaves. Р. Порталь и некоторые другие представители французской экономической школы плодотворно работают над проблемами истории России. См. Р. Порталь. Изучение истории СССР во Франции. «История СССР», 1959, № 1, стр. 229—239.

¹⁰⁴ Jerom Blum. *Op. cit.*, p. 609.

¹⁰⁵ См. весьма ценное новейшее исследование: Н. Н. Улащик. Сельское хозяйство Литвы и Западной Белоруссии в первой половине XIX в. (автореферат докторской диссертации). М. 1963.

¹⁰⁶ Jerom Blum. *Op. cit.*, p. 617.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 5.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 17.

ли восточной». Наконец, автор признает и развитие в России городов и прямо сопоставляет русскую колонизацию с немецкой¹⁰⁹. Это хороший материал для полемики с остфоршерами (М. Хелмманном, О. Бруннером и др.).

Но, пожалуй, особенно примечательны сдвиги, происшедшие в западногерманской историографии. Мы имеем в виду новейший курс русской истории Г. Штекля. Конечно, автор остается в рамках буржуазной концепции. Периодизация, принятая им, традиционна и эклектична: «Раннее время и Киевское государство», «Московское государство», «Петербургская империя», «Коммунистическая советская власть»¹¹⁰; книга проникнута злобой к марксизму-ленинизму, к Коммунистической партии, советскому строю¹¹¹. Но в то же время в ней видны попытки (в ответ на давно раздающиеся призывы Г. Людата¹¹²) перестроиться, отбросить такие идеи, которые сулят лишь потери в борьбе с коммунизмом. Налицо стремление сочетать некоторые бесспорные выводы советской науки с новым немецким вариантом буржуазной концепции истории России. Отсюда — эклектизм. Он проступает начиная со страниц о Древней Руси и кончая библиографией, включающей главные работы буржуазных и советских авторов. Особенно он очевиден в трактовке вопросов, ставших для остфоршеров «роковыми». Вот примеры. Не отрицая славянского происхождения древнерусского государства, Г. Штекль в то же время считает, что его первопричиной явились варяги¹¹³. Куда относится Россия? И к Европе и к Азии, в чем якобы кроется не только «мучительное противоречие, но и надежда»¹¹⁴. Какова хозяйственная основа Руси? И земледелие... и торговля, то есть ни то, ни другое¹¹⁵.

Достоин внимания (особенно в сопоставлении со взглядами Л. Яреша и Г. Римши) отношение Г. Штекля к истории классовой борьбы. Вот примеры. Болотников: «Социальный характер движения — вне сомнений»¹¹⁶. Уложение 1649 г. — плод страха перед черными людьми¹¹⁷. Пугачев: он сломал либеральный фасад империи, его тень нависла над всеми будущими реформами¹¹⁸. Крестьянская реформа: ее причины — и хозяйственные и военные, но главное — угроза снизу и нажим проникнутого «национальным достоинством» русского общества¹¹⁹.

Нет в книге и «литургического» государства, а признается наличие строя (с оговоркой о давлении самостоятельной бюрократии и на помещиков), основанного на угнетении крестьянства, которое наконец попадает в экономическую зависимость. Смягчены и «начала европеизации» признанием того факта, что Петр не внес коренных изменений в общественный строй. Нет в книге ни мессианских, ни бунтарских, ни православных, ни самодержавных «корней» большевизма. Россия, вступив в полосу реформ, рухнула через полстолетия, потому что либеральные преобразования не ликвидировали недостатков империи¹²⁰. Так, в курсе Штекля трещат и падают подпорки белоэмигрантской дворянско-монархической и фашистской националистическо-геополитической схем истории России. На смену идет либеральная концепция, которая должна

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 6, 16.

¹¹⁰ G. Stökl. *Russische Geschichte von Anfängen bis Gegenwart*. Stuttgart. 1962, S. XI.

¹¹¹ *Ibid.*, S. 591, 648.

¹¹² См. В. Т. Пашуто. Истоки немецкой неофашистской концепции истории России. «Вопросы истории», 1962, № 10, стр. 76—77.

¹¹³ G. Stökl. *Op. cit.*, S. 1, 38.

¹¹⁴ *Ibid.*, S. XII.

¹¹⁵ *Ibid.*, S. 74.

¹¹⁶ *Ibid.*, S. 266; cp. L. Jarešh. The «Peasant Wars» in Soviet Historiography. ASEER. Vol. 16, № 3, p. 241—259.

¹¹⁷ G. Stökl. *Op. cit.*, S. 304.

¹¹⁸ *Ibid.*, S. 406.

¹¹⁹ *Ibid.*, S. 537.

¹²⁰ *Ibid.*, S. 143—148, 211, 262 — 269, 321, 368, 536.

привлечь сердца простаков симпатией к бедным людям в царской России и... в СССР, защитой угнетенных народов в империалистической России и... в СССР. Эти два подложных отождествления — царской России и Советского Союза — остаются в неприкосновенности.

Больше всего неудобств доставил Г. Штеклю феодализм. Он решительно заявляет, что «историко-научное и марксистское определение феодализма не имеют между собой ничего общего», но почему-то время от времени возвращается к этому «ненаучному» определению, пытаясь с ним спорить. Автор старается не думать о том, как сложилась собственность на землю у славян. Он считает, что выводы о древней общине опираются лишь на случайные аналогии¹²¹; хорошо известные свидетельства археологии и письменные источники о расслоении общины¹²² автор игнорирует. Вообще, когда дело доходит до древности, Штекль хочет иметь дело не с эволюцией, а со статичными фактами: в XI в. крупная собственность есть, а что было прежде, можно лишь гадать¹²³. Оспаривает Г. Штекль и наличие земли у правящего слоя, а значит, и существование того «феодалистического» (термин автора) строя, о котором говорят марксисты. Все-де зависит от того, как понимать формы труда и зависимости. Марксисты не могут доказать, что смерды были зависимы до XII в.¹²⁴, но, «если угодно», Штекль готов признать, что они зависели от князя¹²⁵. Это выглядит довольно странно. Чем же объяснить работу смердов на бояр, дворян-гридей и милостников? И разве их бесправие, проследованное по «Русской правде», не связано с поземельными отношениями? Вообще политэкономия — слабое место труда Г. Штекля. Но появление его книги знаменательно, а стремление отбросить хоть некоторые антинаучные догмы достойно положительной оценки. Все это открывает дополнительную возможность продолжения научного разговора.

Так обстоит дело с отражением советских трудов по аграрному вопросу в буржуазной историографии.

Советские ученые должны внимательно изучать эволюцию буржуазных школ и направлений. Следует продолжать аргументированное наступление против антинаучных взглядов буржуазных историков, и здесь советские исследователи не одиноки. Историография стран социалистического лагеря деятельно изучает закономерности аграрной истории Восточной Европы, энергично борется против неофашистской концепции этой истории¹²⁶. В виде примера можно назвать плодотворные сравнительно-исторические исследования последних лет, проводимые в творческом содружестве советскими и польскими историками¹²⁷. Подлинный переворот во взглядах на уровень земледельческой техники лесной зоны северо-востока Европы произвела недавняя находка близ города Сувал-

¹²¹ Ibid., S. 29.

¹²² Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М. 1955, стр. 264—275.

¹²³ G. Stökl. Op. cit., S. 70.

¹²⁴ Ibid., S. 75.

¹²⁵ Ibid., S. 76.

¹²⁶ См. K. Groniowski. «Kwartalnik Historyczny», 1961, roczn. 62, № 2, str. 546—549; P. Laval. «Kwartalnik historii kultury materialnej», 1962, roczn. 10, № 3—4, str. 727—728; J. J. «Studii Revista de istorie». București. 1962, № 2, p. 508—510; доклад В. К. Яцунского на Киевской сессии аграрного симпозиума см. «Különlönyomat az agrártörténeti szemle», 1962, évi 3—4. Számából, p. 365—400.

¹²⁷ J. Antoniewicz. The Sudovians. Białystok. 1962; A. Kamiński. Wisna na tle pogranicza polsko — rusko — jaćwieskiego. «Rocznik Białostocki». T. I. Białystok. 1961, str. 9—16; Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Поманья. М.-Л. 1962; ср. также интересное исследование В. Widera. Beginn und Umfang der deutschen Getreideausfuhr in die vormongolische Rus. «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte». Berlin. 1963. Teil II, S. 79—102.

ки веслообразного наральника в погребении ятвяжского земледельца II—III вв. н. э.¹²⁸

Назрела необходимость комплексного сравнительно-исторического изучения проблемы крестьянских войн в Европе¹²⁹ и их сопоставления с подобными же войнами в других частях света. Число ценных работ о крестьянских восстаниях и войнах все увеличивается вслед за ставшими классическими исследованиями Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина, И. И. Смирнова и М. М. Смирнова. Они охватывают все новые районы: Пруссию (Г. Цинс), Эстонию (А. Вассар), Хорватию (Ю. В. Бромлей), Трансильванию (В. П. Шушарин), Молдавию (Ф. А. Грекул) и др. Пора обобщить закономерности этого явления¹³⁰. Лучшим местом для начала такой работы мог бы стать один из очередных симпозиумов по аграрной истории.

Советские аграрники внесли огромный вклад в изучение закономерностей развития феодального строя в России. Это они показали земледельческий характер Руси, подорвав «торговую» теорию «норманистов»; это они раскрыли этапы феодального закабаления крестьян, развеяв миф о существовании свободного крестьянства до XVII в.; это они выявили этапы классовой борьбы, опрокинув идею о врожденном смиреннии русского народа; это они ввели в оборот огромный фонд археологического и археографического материала, без знания которого мировая наука не может заниматься плодотворным изучением аграрной истории России.

В буржуазной науке наметился сдвиг: появились люди, которые ставят эрудицию выше антикоммунизма. Надо расширить творческий диалог, чтобы помочь им узнать истину.

¹²⁸ J. Antoniewicz. Odkrycie grobu rolnika jaćwieskiego z narzędziami produkcji z okresu rzymskiego. «Rocznik Białostocki», T. III. Białystok, 1962, str. 204—223.

¹²⁹ Со времени последней дискуссии — 1933 г. (см. хронику Ленинградского отделения Коммунистической академии. «Проблемы марксизма», 1934, № 1) — утонуло много воды.

¹³⁰ См. интересный опыт сопоставления крестьянских движений в России и Чехии: Y. V á v r a. Protifeudální povstání sedmdesátých let 18. století v českých zemích a v Rusku ve světle diplomatických relací a soudobého tisku. «Acta Universitatis Carolinae». «Philos. et hist.» 3. Praha. 1962, str. 65—124.